

Софисты

Существо софистического влияния на расширение философской проблематики можно определить так: софисты впервые стали разрабатывать прозаические жанры и определять все виды речевой активности в социуме за счет все того же института школы, который впервые целенаправленно оснащается необходимыми инструментами — учебными пособиями. За этим институтом сознательно закрепляется та функция, о которой мы уже говорили в связи с прообразом философской школы в пифагорейских кружках, — воспитательная. "Воспитывать людей" (παιδεύειν ἀνθρώπους) — лозунг, провозглашенный Протагором, — становится отныне задачей философии, а необходимость дать программу воспитания и образования юноши определяет ее дисциплинарную структуру. Речь, понимаемая как "созидательница убеждения" (πειθούς δημιουργός), становится предметом специальной разработки в зависимости от ее темы и задачи. Горгий в «Елене» утверждает, что "слово — величайший владыка", и рассматривает виды речей. Он называет — наряду с "речами метеорологов" (т.е. тех, кто занимается исследованием небесных явлений, рациональной наукой ионийского происхождения) и речами судебными (естественным образом развившимися после появления записанных законов) — "состязания в философских речах" (φιλοσοφῶν λόγων ἀμιλλὰς), выделяя тем самым три основных вида прозаической речи.

Для Горгия философские речи — это то искусство диспутов, которое ввел Зенон и которое стало основным методом поддержания школьной жизни. Горгий противопоставляет его двум важнейшим видам прозаической речи, развитым ранее в сферах, связанных с законодательством и наукой. Именно это искусство "философских речей" и культивируют софисты, сознательно откликаясь на установку, данную элейцами.

Парменид ввел в поле зрения философии самое ее существо — учение о бытии и сущем, а его ученик Мелисс написал сочинение «О природе, или О сущем» (30 А 4). Горгий, демонстрируя независимую и универсальную мощь слова, пишет «О не-сущем, или О природе», и вообще он — как и Протагор — готов в порядке школьной игры, словесной забавы, писать рассуждения за и против, причем на любую тему.

Софистами, начиная с Горгия, развивается "показательное красноречие" — эпидиктические речи, не имеющие никакого смысла вне школы (σχολή, διατριβή), т.е. вне досужего времяпрепровождения в кружке знатоков и ценителей красноречия как такового, независимо от его практического применения. Лродик пишет назидательные притчи и рассуждает о правильности имен, Гиппий составляет учебные доклады по геометрии, астрономии, музыке, ритмике, живописи, ваянию, грамматике и истории. Во множестве появляются «Руководства» (Τεχναί) по риторике, и тем самым сфера культивированной и рефлексированной речи расширяется необыкновенно.

Все это привело к одной очень важной перемене в функционировании слова: восприятие любого вида словесного искусства оказывается опосредовано учителем красноречия и школой, которая оснащена учебной литературой. Впервые появляется понятие образованной публики. На нее уже прямо ориентирован Еврипид, у которого

мы можем найти множество примеров софистических диспутов, причем уже в самой ранней его трагедии «Алкестида» (438 г.).

Становится хорошим тоном уметь рассуждать на определенные темы, незнание которых означало невоспитанность, неприличную для свободного человека. Ксенофонт в «Воспоминаниях о Сократе» пишет, что Сократ не исследовал природу универсума, а занимался установлением того, что "благочестиво, что нечестиво, что прекрасно, что безобразно, что справедливо, что несправедливо, что здравомыслие, что безумие, что храбрость, что трусость, что государство (πολις), что государственный человек, что власть над людьми, что властитель" (I 17). Во-первых, заметим, что Ксенофонт здесь практически приводит оглавление дошедшего до нас учебного пособия конца V в. до н.э. «Двойные речи», дававшего образцы рассуждений за и против на указанные темы. Во-вторых, Ксенофонт после этого перечисления добавляет: "...а кто не знает этого, тот по справедливости заслуживает название хама" (так, удачно используя анахронизм, переводит αὐδραλόωδεις С.И.Соболевский). Из этого примера очевидна воспитанная софистами ориентация на приличную публику, получившую соответствующее образование.

Этическая и политическая проблематика с этого времени раз и навсегда входит в сферу философского рассмотрения, а натурфилософская получает дисциплинарное дробление и также воспринимается как предмет определенного вида речей. С этой точки зрения показательное сопоставление Анаксагора и Демокрита.

Анаксагор из Клазомен, в течение долгого времени живший в Афинах и принадлежавший к кружку Перикла и Еврипида, вполне вписывается в русло предшествующих тенденций: с одной стороны, он, как и его ученик Метродор Лампсакский, занимается аллегорическим толкованием Гомера, с другой — пишет одно натурфилософское сочинение, в котором первым принципом движения оказывается ум (вероятно, не без влияния Ксенофана, бог которого "помышлением ума все потрясает" — 21 В 25). Так в Афинах 30-х годов отражаются италийские и ионийские установки.

В отличие от него Демокрит, которого называют учеником Анаксагора и который, во всяком случае, учился в Афинах, пишет более семидесяти сочинений (Диоген Л., IX 46-49): по физике, математике, искусствам, прикладным наукам, а также разного рода «Причины» и отдельные «Записки», многие из которых посвящены этическим проблемам. Влияние софистических установок высвобождает философскую прозу, и теперь уже единственное всеобъемлющее сочинение, трактующее сразу все вопросы, становится смешным анахронизмом.

Литература: